

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Пуля от
Ван Гога

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Пуля от Ван Гога / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-229583-6

Полковник Лев Гуров посещает галерею импрессионистов по приглашению известного искусствоведа Олега Святского. Тот обещал показать сыщику уникальный экспонат — револьвер, из которого якобы застрелили Ван Гога. Если это правда, то мир ждет настоящая сенсация! В ожидании встречи Гуров слышит в глубине галереи выстрел. Он спешит в кабинет Святского и видит его застреленным в упор. Преступнику удастся незаметно выскочить из кабинета, но он не успевает покинуть здание: сработавшая система безопасности блокирует двери и окна. Вместе с полковником запертыми оказываются еще шесть посетителей. Один из них — хладнокровный убийца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229583-6

© Макеев А.В., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

На подобные письма Льву Гурову полагалось отвечать строгой рекомендацией обратиться с заявлением в полицию — ни больше ни меньше. Это не отмашка, не отписка, как нетрудно подумать. На самом деле за такой рекомендацией стоит здравый смысл. Наивный человек думает, будто решит любые наисложнейшие проблемы, просто обратившись к старшему оперуполномоченному уголовного розыска. Как же, такая солидная должность! Да еще и звание полковника в придачу! На самом же деле для решения проблем требуется запустить шестеренки огромного механизма, в котором участвуют сотни работников ОВД, и из этих сотен несколько десятков будут заниматься непосредственно жалобой заявителя. «Одинокий герой», хоть бы и полковник, не добудет решения на блюдечке.

И все же в письме упоминалось оружие. Оставлять без внимания этот факт нельзя: ружье, единойжды стрелявшее, непременно выстрелит снова. Гуров повторно пробежал глазами по дисплею ноутбука, вникая в строчки имейла.

«Глубокоуважаемый Лев Иванович!

Вас беспокоит Олег Тимофеевич Святский, художник. Мне в руки попал револьвер, с которым может быть связано одно старое убийство. Он интересует многих людей, и, как мне кажется, его на днях пытались выкрасть. Я беспокоюсь за оружие и, признаться, за себя тоже, поэтому хотел бы встретиться с вами и услышать ваш совет. Чтобы я не таскал револьвер по городу, прошу вас зайти ко мне в галерею «Пост-Москва» (адрес прилагается), например, в ваш ближайший выходной.

Премного благодарен за внимание к моему письму и надеюсь, что вы отыщете время для встречи.

Примите мои заверения и проч.

Святский О. Т., куратор галереи «Пост-Москва»».

Подумать только, какая точность! Художник написал не «пистолет», а «револьвер». Большинство путает эти понятия. Факт, что автор письма сколько-то разбирается в оружии, заставил задуматься. Вряд ли этот текст является плодом фантазий больного или трусливого человека.

Лев Иванович ввел в поисковую строку браузера имя художника. Интернет подтвердил, что названное лицо существует, причем в верхней выдаче поиска оказался как раз сайт картинной галереи «Пост-Москва». Полковник перешел по ссылке, попав на персональную страничку художника.

Первым делом Гуров пристально рассмотрел фотографию. Густые седеющие усы, еще более седая борода, неаккуратная, растущая сама по себе, без присмотра стилиста. Растущая залысина зрительно увеличивает размер лба, изрезанного глубокими морщинами. Брови изогнуты крутыми дугами, не слишком кустистые, но достаточно густые. Взгляд пронзительный, и в то же время в нем не читалось вызова или агрессии, наоборот, любопытство, словно человек разглядывает тебя в желании уловить каждое твое движение. Крупный нос, немного приплюснутый, крупные уши слегка топорщатся, но все в меру, не чересчур, какой-то баланс в его внешности, отчего в целом лицо приятное. Впалые щеки сильно старят, словно мужчине близится к семидесяти, хотя это не так.

Годом рождения указан 1968-й, дата — 15 октября, следовательно, сейчас художнику неполных пятьдесят семь лет.

Что еще пишут? Родом из Чебоксар. В 1990 году окончил Чебоксарское художественное училище, затем продолжил образование в Московском государственном академическом художественном институте имени В. И. Сурикова. Первая выставка состоялась в 1993 году. Наиболее известные живописные произведения входят в циклы «Городской портрет» и «Улицы Чебоксар». Написал пять книг по истории и теории живописи.

Коллеги по цеху характеризуют Святского как талантливое живописца-портретиста, известного искусствоведа, одного из ведущих российских специалистов по Ван Гогу. В штате галереи «Пост-Москва» Олег Тимофеевич числится куратором и старшим экспертом.

Название организации Гурову ничего не сообщало, поэтому он перешел на страничку «О нас», где обнаружил, что в галерее сосредоточена одна из крупнейших в стране коллекций постимпрессионистской живописи, главным образом сформированная шедеврами российских мастеров, хотя имеется и несколько работ зарубежных живописцев, включая классиков — Винсента Ван Гога, Поля Гогена и Поля Сезанна. Кроме того, последний месяц галерея реализует особый проект «Ван Гоген», сильно распиаренный в соцсетях, блогах и лентах новостных порталов. Проект представляет собой выставку работ Ван Гога и Гогена, одолженных на время питерским Эрмитажем и нашим, московским, Пушкинским музеем. Такой концентрации шедевров постимпрессионизма под одной крышей столица еще не знала.

Площадка работает шесть дней в неделю, кроме вторника, поэтому Святский не ошибся: наилучшая дата для встречи — седьмое сентября, ближайшее воскресенье.

Но нет, прежде чем куда-то идти, Гуров намерен созвониться с художником. Как-никак сего-

дня только четверг, до воскресенья может произойти много чего плохого. Необходимо убедить Святского, что ему требуется обратиться в полицию, сдать оружие и ответить на вопросы, поделившись своими подозрениями и опасениями.

Лев Иванович вернулся на персональную страничку художника проверить контакты и, найдя номер телефона, потянулся за смартфоном. В трубке раздались гудки, затем послышался мужской голос.

— Олег Тимофеевич? Добрый вечер, я полковник Гуров. Предлагаю поговорить.

— Неожиданно, очень неожиданно... Простите, я не ответил на ваше приветствие. И вам добрый вечер.

— Вы сейчас в безопасности? Можете говорить свободно?

— Да-да, не пугайтесь! Видимо, я сгущаю краски. Просто столько событий и впечатлений за последнее время, что я переволновался и захотел немного подстраховаться.

— Вы дома?

— Да, я с сегодняшнего дня дома, в галерее покажусь только в воскресенье, чтобы встретиться с вами.

— Олег Тимофеевич, встречи не будет, — непреклонным тоном заявил полковник. — Завтра же утром вы пойдете в отделение полиции по вашему адресу и заявите о находке огнестрельного

оружия. Револьвер брать с собой не стоит. Пусть лежит у вас дома. Вы же храните его дома?

— Нет, в сейфе на работе. Так надежнее.

— Отлично! Разумное решение. Тогда после дачи показаний проедете с сотрудниками органов на работу, откроете сейф и передадите им оружие, заполните необходимые акты. Уверяю, что проблем у вас не возникнет. Даже если револьвер попал к вам не совсем законно, в полиции учтут ваше добровольное сотрудничество. При необходимости я лично могу вступить за вас.

— Оружие у меня вполне законно. Оно из музейной коллекции, я привез его в Москву для экспертизы, оформив все необходимые документы.

Гурова немного удивило, что револьвером из музейной коллекции ранее совершено убийство, однако полковник не стал заострять на этой детали внимание. В музеи попадают вещи с богатой историей, порой эта история довольно кровавая, хотя публика о том редко задумывается. Раз Святский — искусствовед, он, видимо, каким-то образом выяснил, что музейное оружие могло применяться при каком-нибудь нашумевшем похищении картины или другого предмета искусства. Но эти подробности не имеют ни малейшего значения в настоящий момент. Гораздо важнее обезопасить человека и сохранить улику.

■ — Мы договорились?

— Нет, нет и еще раз нет! — заартачился Святский. — Я никуда не пойду, пока не посоветуюсь с вами. Оружие, о котором идет речь, очень необычно, как необычно и преступление, вероятно, совершенное с его помощью.

— Вероятно? — переспросил Лев Иванович. Полковник недоумевал: то есть художник не знает наверняка, стреляли в кого-то из злосчастливого револьвера или нет?

— Требуется экспертиза, чтобы узнать правду. Это во-первых.

— Что во-вторых? — Гуров старался скрыть недовольство.

Его неприятно поражала склонность людей вредить себе, портить свою жизнь, идти на неоправданный риск. Некоторые поступали так из бесшабашности, из удали, от недостатка осторожности. Другие же, вроде Святского, вредили себе из чрезмерной осторожности, совали голову в петлю из желания перестраховаться. И тем и другим следовало бы включить мозги и поразмыслить здраво, но нет!

— Во-вторых, я могу заблуждаться в своих подозрениях, — робко ответил Олег Тимофеевич. — Полагаю, мне известен человек, пытавшийся похитить револьвер, однако у меня нет прямых улик. Бросать тень на невиновного мне не хочется. Вдобавок этот человек играет важную

роль в моей жизни, понимаете? Мне важен этот человек.

Весьма уклончиво, мотивы объяснены невнятно. Гурова это категорически не устраивало, но он решил не давить. Пускай художник изложит подозрения на допросе, а сейчас есть смысл разузнать больше о загадочном револьвере.

— При каких обстоятельствах у вас пытались похитить оружие и как вы узнали о попытке похищения?

— Расскажу по порядку...

Художник перевел дыхание и сообщил, как в прошлую пятницу, двадцать девятого августа, в ходе своего исторического исследования обнаружил, что в крохотном краеведческом музее поселка Елховка, под Калачом-на-Дону, хранится подозрительный экспонат, которым может оказаться револьвер системы «Нагана», замешанный в давнем преступлении. Обрадованный открытием, Святский договорился с директором Елховского музея о встрече и организовал поездку. Художник выехал из Москвы уже в понедельник, первого сентября, на место прибыл вечером следующего дня. Заночевал в домике директора, а на другой день осмотрел музей и оружие.

Догадка Святского подтвердилась, и он договорился с директором, что заберет револьвер на экспертизу. Таким образом, третьего сентября, в среду, Олег Тимофеевич поехал обратно в Москву с ре-

вольвером в багаже. Стоило Святскому покинуть купе и пойти за кипятком, как в его вещах кто-то покопался, оставив наличные деньги, смартфон, документы и запасную одежду нетронутыми. Очевидно, что неизвестный вор искал револьвер. Сосед ничего не видел, потому что в тот момент был в тамбуре, и Святский в его словах не сомневается. Купе пустовало, то есть туда мог пробраться кто угодно. Однако неизвестный не был «кем угодно», этот «кто-то» смог разведать о поездке Святского в Елховку и проследить за ним.

Олег Тимофеевич начал тревожиться, и Гуров его прекрасно понимал. Неудачливый вор знаком с художником, посвящен в его исследования, следит за перемещениями, даже сумел сесть на тот же поезд и выждать, когда опустеет купе Святского. Есть повод для беспокойства.

— Я еще раз требую, чтобы вы не колеблясь обратились в полицию, и как можно скорее, — приказал Гуров. — Вы только что сами изложили мне, насколько серьезна ситуация с этим револьвером. Кстати, вы до сих пор не сказали, кто из него убит.

— Подробности при встрече. Заверяю вас, дело очень непростое. Это оружие представляет собой не только улику, но и предмет колоссальной исторической ценности. Причем когда я говорю о ценности, то подразумеваю не абстрактную значимость в глазах историков искусства. Нет,

я говорю о цене, о конкретной сумме порядка трехсот тысяч евро.

«Ничего себе наган! В нем что, серебряные пули, а убитый был графом Дракулой?» — обомлел Гуров, не ожидавший такого поворота в беседе с необычным художником. Дело рисовалось все более запутанным, а мотивы все более сложными, поэтому полковник согласился потратить свой выходной.

— Ваша взяла, я приду в воскресенье, осмотрю вашу находку, и вы расскажете мне, чем так примечателен этот наган и кто может быть заинтересован в его похищении. Прошу вас придерживаться намеченного плана, то есть не показываться на работе до воскресенья. И вообще, лишний раз старайтесь не высовываться из дома, заказывайте доставку еды, ограничьте круг общения. Так как револьвер не у вас дома, я сомневаюсь, что кто-либо вломится к вам в квартиру, но, если случится попытка проникновения, немедленно звоните в полицию и оповестите консьержа. В вашем доме есть консьерж или охрана?

— У меня квартира в охраняемом комплексе, — подтвердил Святский, отчего Гуров почувствовал некоторое облегчение.

— Обязательно обращайтесь в полицию, если кто-то созвонится с вами и попытается уговорами или тем более угрозами выманить вас из дома. ■ Завтра и послезавтра я буду звонить вам в это же

время вечером, чтобы убедиться, что вы целы-здоровы. Вам ясно?

— Я вам чрезвычайно признателен! Большое спасибо за заботу.

Святский был скорее растроган, чем взволнован. Он оказался натурой на редкость беспечной, несмотря на интеллект, о наличии которого свидетельствовали не только записи на персональной страничке в интернете, но и личные впечатления от беседы с этим человеком. Рассудительность, логичность, навыки дедукции, богатый словарный запас. И вместе с тем феноменальные непоследовательность и упрямство в том, что касалось личной безопасности.

Каждое человеческое существо соткано из разительных противоречий, в беспрестанной борьбе которых рождается либо самосовершенствование, либо саморазрушение.

* * *

В воскресенье, седьмого сентября, Гуров явился в «Пост-Москву», как условлено, к открытию, то есть в десять утра. Святский поджидал визитера на посту охраны. Живая встреча дополнила образ. Мужчина был страшно худ, среднего роста, одет просто и практично, с отголосками стиля преппи: рубашка с ярко-синим клетчатым принтом, темно-синий клубный пиджак и хлоп-

ковые бермуды цвета темный беж. Одежда чистая, но поношенная и слегка замятая, что особенно заметно по рубашке с «жеванным» воротником, хотя явно побывавшей в стиральной машинке. Парадоксальная смесь чистоты и небрежности. Да, это определенно нечто иное, чем банальная неаккуратность: он по-своему аккуратен, любит чистую одежду, но невнимателен к внешнему виду. О том говорят хотя бы две незастегнутые верхние пуговицы.

— Благодарю, что согласились прийти. — Святский с жаром стиснул руку Гурова обеими своими, словно боялся выпустить полковника, как если бы тот мог передумать и убежать. — И благодарю за ваши вечерние звонки. Искренне признателен. Степан Васильевич, это ко мне... — Он обратился к дородному лысому мужчине в костюме охранника, который молча кивнул. Затем художник вновь повернулся к гостю: — Прошу заходить. Сейчас мне требуется ответить на важный звонок. Сказалось мое недельное отсутствие, сразу накопились дела. Требуется подтвердить директору одного музея наше согласие на временное экспонирование нескольких картин. Это займет максимум десять минут. Вы успеете прогуляться по галерее и хотя бы немного насладиться живописью. Вы у нас бывали раньше?

— Виноват, не доводилось. Ходил в Третьяковку, в Пушкинский.

— У нас сейчас экспонируется кое-что из Пушкинского, вы сразу же узнаете. Что ж, еще раз приношу извинения. Я побежал.

С этими словами Святский развернулся, стремительно пересек фойе и исчез из поля зрения.

— Прямо вход в главный зал, оттуда пройдете в тематические, — пробасил охранник, заставив Гурова вздрогнуть от неожиданности. — А вот эти боковые проходы ведут в туалет и раздевалку, но она до октября закрыта.

— Спасибо, — кивнул Лев Иванович и направился к главному залу.

Посетителей пока пришло немного, человек восемь в главном зале и еще несколько в дальних, на малых выставках, чье присутствие угадывалось по шагам и покашливанию. От глаз Гурова не скрылось, что одно из дальних помещений пустовало, поэтому он, заинтригованный, решительно шагнул туда. Поначалу Лев Иванович подумал, что публика правильно делает, не задерживаясь в этой комнатке. Уж очень скучные здесь работы. «Винсент Ван Гог. “Воспоминание о саде в Эттене”, год 1888-й, выставляется по соглашению с Государственным Эрмитажем, Санкт-Петербург», — лениво прочел полковник на интерактивном дисплее. Далее его взгляд перенесся на «Сирень», написанную, согласно справке на дисплее, тем же художником год спустя, в 1889-м. Вторая картина еще более дико-

винная. То ли натюрморт, то ли пейзаж, словом, какое-то странно воспринимаемое ограниченное пространство.

Гуров упрекнул себя в том, что не разбирается в живописи, что, однако, не отменило простого факта: оба полотна оставили его равнодушным. Зато приворожило следующее. Вот это точно пейзаж, обширный и просторный, прямо дух захватывает! От картины исходила огромная сила. «Красные виноградники в Арле», — прочел Лев Иванович, когда услышал позади себя цоканье каблучков.

— Я заметила, вас привел Святский? — Ударившая его в спину фраза прозвучала скорее вопросительно.

Полковник обернулся. Ему приветливо и чуть насмешливо улыбалась невысокая, хорошо сложенная женщина лет сорока. Очень привлекательная, во всей внешности сквозит аристократизм и утонченность. Выражение правильного овального лица горделивое, слегка снисходительное, причем улыбка тонких губ лишь усиливает эту снисходительность, добавляя глазам сверкающую хитринку. Производит впечатление человека, знающего себе цену. Небольшой носик, милый, без вздернутости. Тонкие брови бегут плавной волной, образуя легкий изгиб и с середины сужаясь в черточку.

Одета в строгий деловой костюм стиля офисной леди. Отложной английский воротник, ши-

рокий рукав, свободный силуэт. Брючки спускаются чуть выше щиколотки. Цвет серый, но женщина чувствует себя комфортно, не боится показаться серостью, напротив, костюм ей к лицу, гармонирует со светло-кофейными волосами, которые пострижены в многослойное каре до плеч. На шее играет бликами серебристый лариат; его подвески, выполненные в виде гроздьев с расцветкой под серый мрамор, застенчиво спускаются в неглубокий V-образный вырез на блузке. Серезки-гвоздики из желтого золота, по две в каждом ухе, едва заметны.

— Я здесь по приглашению Олега Тимофеевича, — ответил Гуров, догадавшись, что перед ним либо сотрудник галереи, либо приглашенный специалист, хорошо знакомый со Святским.

— И, конечно же, он направил вас к этой картине.

— Отнюдь, я сам ее нашел. А почему вы подумали на Олега Тимофеевича?

— О, это его любимое полотно. Олег говорит, что он целиком здесь, всеми эмоциями и мыслями. Знаете, что это? — Не дожидаясь ответа, леди приблизилась и сообщила: — «Красные виноградники в Арле». Написаны Винсентом Ван Гогом в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году в сельской долине Кро, это на юго-востоке Прованса. Сюда художник выезжал на этюды из Арля, где проживал в то время. Время высшего

творческого подъема. Ван Гог тогда писал с невероятным упоением, создавал удивительно яркие вещи и непременно в сочных цветах. Посмотрите только на эти насыщенные виноградники, а это солнце, которое обжигает своей желтизной! Ван Гог обожал желтый цвет, и вот такая интенсивность выдает манеру арльского периода.

Она сделала шаг назад, как живописец перед мольбертом, оценивающий очередной мазок. Затем, коротким резким движением откинув голову, протянула Гурову узенькую кисть с тонкими, нежными пальцами.

— Ольга Дементьева, менеджер проектов.

— Лев Гуров, консультант по безопасности.

Гуров не торопился представляться и тем более не горел желанием выбалтывать чужие секреты. Вряд ли Святский распространялся о планах встретиться с сотрудником угрозыска. Холодные женские пальцы моментально покинули мужскую ладонь. Ольга поняла, что посетитель не готов раскрываться. Слегка склонив голову набок, она насмешливо протянула, почти пропела:

— Ого, нечасто слышу это имя! Что ж, Лев, не хочу мешать вам постигать живопись.

И, цокая каблучками, удалилась.

Весьма проницательная и наблюдательная особа, умеет читать людей, делать выводы. Каким-то образом проследила за встречей Святского и Гурова в фойе, хотя, кроме лысого охранника, там никого

другого вроде не было. Затем протестировала таинственного посетителя и раскусила его ложь, которая вообще-то наполовину являлась правдой, так как художник на самом деле пригласил полковника для консультирования по вопросам безопасности.

Гуров удивленно смотрел вслед менеджеру Ольге, затем покачал головой и вернулся к картинам. Он вновь остался один, другие посетители не торопились проведать зал с «Красными виноградниками».

Время текло неспешно. Святский, обещавший завершить разговор за десять минут, не торопился. Полковник проверил часы, они показывали 10:18. Со вздохом Гуров продолжил созерцать пейзажи, но в этот момент по галерее прокатился оглушительный звук, который оперативник узнал моментально.

Впрочем, узнали и другие посетители.

— Выстрел! — раздался испуганный мужской возглас.

— Выстрел? Seriously?

— Это террористы! Это захват заложников!

— Скорее бежать отсюда!

Крики, вопли, топот ног... Акустика галереи не позволяла понять, откуда донесся звук, поэтому Гуров побежал к максимальному скоплению людей, чтобы защитить их и по возможности усмирить разгоревшуюся панику. А люди стекались в фойе, к выходу.

— Стой! — зарокотал густой бас. — Ни с места!

Гуров в три прыжка пересек опустевший главный зал, чтобы увидеть, как дородный охранник, точно мячик, сверкая лысиной, выкатился из дверей вместе с толпой и устремился за каким-то мужчиной, разглядеть которого мешала вывеска на окне. Стрелявший? Видимо, так, иначе какой смысл его преследовать?

«Да что это за мерзкий звук?» — поморщился Гуров. Реденькая толпа, которую и толпой-то не назовешь, разве что с большой натяжкой, почти полностью покинула галерею, голоса стихли, и стал хорошо различим неприятный гул, сопровождаемый металлическим лязгом, словно где-то работал заедающий механизм.

Последней к выходу подбегала девушка лет двадцати с длинными русыми волосами, среди которых мелькали фиолетовые пряди. За пару шагов до дверей девушка резко затормозила и оглушительно взвизгнула, устремив взгляд куда-то под потолок. Гуров тоже посмотрел вверх и понял, что является источником неприятного гула. Заработал механизм охранной системы, и на дверь медленно спускалась толстая металлическая решетка. Такие же решетки с небольшой задержкой начали опускаться на окна. Сварено чисто, красиво, издали напоминает жалюзи, и только вблизи видно, насколько это прочная и надежная конструкция.

Скорость решеток не назовешь большой, Гуров легко бы смог проскочить под ними и при-